

ЕВГЕНИЙ
ПОПОВ

Мой
знакомый
гений

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Библиотека классика (Эксмо)

Евгений Попов

**Мой знакомый гений.
Беседы с культовыми
личностями нашего времени**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Попов Е. А.

Мой знакомый гений. Беседы с культовыми личностями нашего времени / Е. А. Попов — «Эксмо», 2018 — (Библиотека классика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-192144-6

Последние два десятилетия «запоздавший шестидесятник» Евгений Попов встречался, беседовал со многими великими людьми, почти со всеми из которых дружил и дружит, и вместе с ними подводил итоги уже окончательно завершившегося XX века. Среди его собеседников – поэты Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина, режиссеры Юрий Любимов и Отар Иоселиани, литературоведы Мариэтта Чудакова и Вячеслав Иванов, президент СССР Михаил Горбачев и мало кому известный сантехник Владимир Хомяков по прозвищу Хомяк – и многие-многие другие... «Это знаменитые люди, настоящие звезды, а не попса или дутые телевизионные рожи, – пишет автор. – Они – живые, хотя кто-то из них уже покинул сей вещный мир. Я люблю их». Полюбите их и вы, дорогой читатель!

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-192144-6

© Попов Е. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предуведомление	7
Вадим Абдрашитов	8
Василий Аксенов	15
Юз Алешковский	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Анатольевич Попов
Мой знакомый гений. Беседы
с культовыми личностями нашего времени

© Попов Е., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ЕВГЕНИЙ
ПОПОВ

Мой
знакомый
гений

МОСКВА
2023

Предуведомление

Двадцать перестроечных лет со свистом пролетели над нашими головами.

Кажется, что только сейчас XX век уже окончательно закончился и пора подводить его итоги.

Это и пытались сделать видные люди России и ее окрестностей, с которыми я встречался, беседовал последние два десятилетия, почти со всеми из них дружил или дружу.

Они – знаменитые люди, настоящие звезды, а не попса или дутые телевизионные рожи. Не важно, что известность у кого-то из них – мировая (Президент СССР М. Горбачев), а у кого-то ограничена районом Беговой Северного административного округа города Москвы (слесарь-сантехник В. Хомяков по прозвищу Хомяк).

Они переживают, смеются, плачут, строят планы, мечтают, откровенничают, делают прогнозы, дурачатся, хохмят, позируют. Они – живые, хотя кто-то из них уже покинул сей вещный мир.

Я люблю их.

Полюбите и вы, дай бог!

Часть этих текстов печаталась в журналах «Огонек», «Сноб», газете «Неделя».

Клянусь, что, готовя эти беседы к печати, я почти не правил изначальных записей, только в некоторых местах снабдил прежний текст.

Как было, так оно пускай и есть. Мои собеседники открыто говорили то, что думали. И это вовсе не их вина, что жизнь невозможно повернуть назад, как некогда пела Алла Пугачева на слова Ильи Резника.

Евгений Попов

Вадим Абдрашитов

Люди мы не местные

Вадим Абдрашитов – классик современного российского кинематографа. Автор фильмов, снятых по сценариям Александра Миндадзе: «Слово для защиты», «Поворот», «Охота на лис», «Парад планет», «Армавир», «Плюмбум, или Опасная игра», «Остановился поезд», «Слуга», «Пьеса для пассажира», «Время танцора», «Магнитные бури»¹. Вадим Абдрашитов – народный артист, профессор, академик, лауреат всяких премий и обладатель множества престижных призов, никогда не теряющий хладнокровия и не подверженный гримасам Времени, когда вместо хорошего кино нынче снимают черт знает что.

Е.П.: Меня, Вадим, интересует простой вопрос: ты кто? Из каких? Как и зачем стал знаменитым кинорежиссером, каждый фильм которого – событие и повод для словесных баталий?

В.А.: Где родился? В городе Харькове, а потом жили, можно сказать, везде: Южно-Сахалинск, Владивосток, Ленинград, Камчатка, Москва (в то короткое время, когда мой отец, семипалатинский татарин по имени Юсуп Шакирович Абдрашитов, военный, учился здесь в академии), затем – Барабинские степи между Омском и Новосибирском, где отец служил и откуда мы переехали в Алма-Ату, из которой я уехал в 16 лет в Москву, где мы с тобой сегодня и беседуем.

Е.П.: Почему в 16, когда школу заканчивают в 17? Ты ведь во ВГИК приехал поступать?

В.А.: Нет, во ВГИК я поступил, когда мне было 25. В семидесятом. Я в Алма-Ате, сейчас велено писать АЛМАТЫ, закончил семь классов, затем два года учился в техникуме железнодорожного транспорта...

Е.П.: А это еще зачем?

В.А.: Неудобно говорить, но просто-напросто надоело в школе, к тому же техникум был рядом, недалеко от дома, экспериментальное отделение по новейшим специальностям, мы с товарищем поступили, но я через два года забрал документы, сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и уехал в Москву поступать в МФТИ, знаменитый ФИЗТЕХ, который в Долгопрудном, потому что в этом самом 1961-м полетел в космос Гагарин.

Е.П.: А ты здесь при чем? И при чем МФТИ?

В.А.: Я поступил на физтех только потому, что полетел Гагарин. Если бы не было запуска Гагарина и всеобщего по этому случаю энтузиазма, сильно подогреваемого пропагандой, меня бы все-таки, наверное, сразу занесло в другую сторону, потому что я в то время уже занимался в детской студии при ТЮЗе. Куда, кстати, ходил и ныне известный мой земляк, потом мы, между прочим, с ним вместе учились и в МФТИ, знаменитый актер Александр Филиппенко. Играли настоящие спектакли. Я даже помню одну свою роль, отрицательного такого карьериста, очень плохого пионера, который прокалывался чисто этически: во время сбора урожая в колхозе высокомерно относился к товарищам, отлынивал от работы, потом исправился. Все в итоге выполнили план, и все закончилось всеобщим братанием. Пьеса была какого-то местного автора, не помню какого... Так вот, если бы не Гагарин, я не поехал бы в МФТИ, мне было интересно в театре – и закулисная жизнь, и, как бы я сейчас выразился, организация театрального пространства... Но, с другой стороны, мне легко давались техниче-

¹ Печально, что «Магнитные бури» были сняты 15 лет назад и все эти годы великий Маэстро находится в простое «по не зависящим ни от кого обстоятельствам». Не слишком ли щедро, господа и товарищи, так разбрасываться отечественными мастерами?

ские науки, я в нашем сарае, а они были тогда во всех дворах, организовал целую лабораторию, опыты производил со сплавами, сделал даже такую, знаешь, установку для стеклодувных работ, фотографией занимался много.

Е.П.: Уж не вместе ли с Жириновским? Правда, что ты с Владимиром Вольфовичем жил тогда в одном дворе?

В.А.: Правда. Мои родители и сейчас живут в том же доме номер 77, а его дом был 79, у нас был общий двор, где мы играли... Это такие двухэтажные каменные дома, сначала с печным отоплением, потом с баллонным газом... Их, я думаю, стройбат в середине пятидесятых построил... Когда возникали драки, Володя дрался до упора, вообще всегда был очень импульсивный. Когда сейчас про него говорят, что он умелый актер и так далее, я с этим согласен, но в первую очередь это еще и свойство психики. Он такой всегда был, что называется, дерганный. Мы с ним одно время даже в одной школе учились, в двадцать пятой, а потом я его очень долго не видел. Я уехал, прошли годы, я ничего не знал о нем, как вдруг, у меня была премьера в каком-то кинотеатре, по-моему, «Охота на лис», значит, это, наверное, год 84-й. Он стоял, ждал меня в конце картины, в конце встречи со зрителями и говорил о том, что все никак не может устроиться работать, и все как-то не очень интересно, и все как-то не складывается, и нет ли работы по юридическим делам, то есть юрисконсульт на «Мосфильме».

Е.П.: Что ж ты не помог бедному человеку?

В.А.: Я честно все узнал, о чем он просил, но, поскольку мы жили, как сейчас выяснилось, в не совсем правовом государстве, особо в юристах тогда страна не нуждалась. Юрист тогда обычно был бездельником, который числился при директоре и все свои шаги сверял с отделом кадров, со спецчастью...

Е.П.: Ну почему? А адвокаты? Очень уважаемыми были персонами в стране, половина жителей которой отсидела, сидела или намеревалась сесть.

В.А.: Да и адвокат имел значение только для людей, у которых были достаточно большие деньги, чтобы этих адвокатов, мягко говоря, «поощрять». Такие люди тогда были, согласись, за определенной границей быта. Где денежный счет идет на тысячи и где крутые процессы судебные, о чем мы, простые люди, либо не знали, либо читали в детективах братьев Вайнеров. Хотя наша семья была, что называется, из ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Мама, химик по образованию, работала инженером-экономистом... Отец с братом рано лишились родителей, стали жить самостоятельно, быстрее социализируясь, чем национализируясь. Дядя Хаким ушел на партийную работу, был одно время даже в ЦК Казахстана. Отец служил в ВОСО, Войска сообщения, но много читал, огромная библиотека у нас была, я помню с детства все эти издания, «Порт-Артур», «Фрегат «Паллада»: Диккенс, Жюль Верн, Вальтер Скотт, первое издание «Библиотеки приключений...»

Е.П.:...«Таинственный остров», «Кортик»...

В.А.: Обязательно «Кортик». И другая детская советская классика – Маршак, Чуковский.

Е.П.: Значит, шестьдесят первый год. Юрий Гагарин летит в космос, Вадим Абдрашитов является в Москву.

В.А.: Теперь-то я понимаю, что мы тогда попали в замечательную эпоху: ренессанса не ренессанса... скорее, наверное, оттепели... громко особо не хочется говорить, но в каком-то смысле, я не знаю, ДУХОВНОГО ПОДЪЕМА в стране, что ли? Согласись.

Е.П.: Соглашаюсь. Я тебя на год младше, и у меня такие же ощущения.

В.А.: Понимаешь, приехать из Алма-Аты и вдруг впервые услышать с этих первых советских магнитофонов – «Чаек», «Гинтарасов» – голос и текст Окуджавы, Высоцкого, Галича. Публичные читки: Солженицын – «Один день Ивана Денисовича», «Звездный билет» Аксенова. Театр «Современник» с ночными простаиваниями в очередях за билетами, «Таганка»... Физтех люди литературы и искусства любили еще и на волне этой знаменитой дискуссии, что важнее – ФИЗИКИ или ЛИРИКИ. Устные альманахи. Любительские киностудии. Кавэ-

эны, которые тогда были совсем другого уровня, чем сейчас. К нам в институт многие приезжали – Арам Ильич Хачатурян, Михаил Ильич Ромм приезжал – беседовать, говорить, иной раз за день не успевали наобщаться, он приезжал на следующий. Он тогда как раз сделал эту знаменитую картину «Девять дней одного года»... Были знаменитые футболисты, хоккеисты. Я помню это. И это все, конечно, как-то нас, молодых, не только развивало, но и требовало от нас максимальной самореализации...

Е.П.: Я в Москву явился двумя годами позже, поступил в геологоразведочный и помню, как какая-то почтенная геологическая дама на первом собрании сказала нам: «Вы, ребята, будете пять лет учиться в Москве – воспользуйтесь этим. Здесь – музеи, театры, культура». То есть, грубо говоря, не жрите водку с утра до вечера, есть более интересные занятия. Это было вполне разумно. Но только время на глазах изменилось...

В.А.: И я где-то к третьему курсу понял, что ФИЗТЕХ – это было очаровательное увлечение, спасибо большое, но все-таки мне нужно что-то другое, а именно – кино. У нас ведь была кинолюбительская студия – раз, и второе – мы очень тесно были связаны со ВГИКом. Они, например, привозили к нам программы короткометражек, курсовых работ, дипломных. Мы к ним ездили на вечера. Я взял курс на ВГИК и считал, что готов там учиться. После третьего курса, в девятнадцать лет я явился во ВГИК, сказал, что хочу к ним перевестись, а если это нельзя, то я готов поступать. И мне там один умный человек из приемной комиссии сказал: «Не надо. Вам не надо. Давайте так договоримся: вы окончите институт, и если вас и тогда потянет во ВГИК – приходите. А сейчас – можете жизнь поломать. У нас люди постарше, поопытнее годами поступить не могут...» Отговорил он меня, и я ему благодарен. У меня возникла задача побыстрее окончить институт, получить диплом, три года отработать, как тогда требовалось. Я и перевелся в Менделеевский институт, МХТИ, там на год меньше нужно было учиться. К тому же мне повезло: там была очень хорошая любительская киностудия, где я стал вполне серьезно готовиться ко ВГИКу. Я снимал хронику жизни института, хорошо владел 16-миллиметровой камерой, и это мне в дальнейшем пригодилось. Ромм на первом курсе разрешил мне снимать сразу на профессиональной, 35-миллиметровой камере.

Е.П.: Ты мне как-то рассказывал, что, окончив МХТИ, мгновенно сделал большую производственную карьеру.

– Мгновенно не мгновенно, но за три года я стал начальником огромного цеха МЭЛЗа, Московского завода электроламповых приборов. Я об этом с удовольствием вспоминаю, потому что ситуация, в которую я попал, была просто уникальная. Меня силой оставляли в аспирантуре, но я сказал на распределении, что пойду на завод.

Е.П.: Повариться, так сказать, в рабочем котле...

В.А.: Да. Как бы советское рассуждение, ближе к народу, но оно было совершенно правильным. Я правильно сделал и об этом не жалею. В отделе кадров стали смотреть документы и предложили мне совсем новое, новейшее дело, связанное с производством цветных кинескопов. На мне лежала моя часть, связанная с физхимией. Скучно говоря, ПРОБЛЕМА СВЕЧЕНИЯ ЛЮМИНОФОРОВ.

Е.П.: Звучит, по крайней мере, красиво... Это засекречено было?

В.А.: Нет, наоборот. Тут влезли политические дела, а именно после всех торгов, в какой цветной системе будет работать советское телевидение, Леонид Ильич сказал: «Нам не нужны американские, фээргэшные системы, давайте реализовывать свою». Брежнев ездил по странам «народной демократии» и везде всем обещал «нашу систему», поставку наших будущих цветных кинескопов: румынам обещал, гэдэрам обещал. Технология была ужасная, и начальству оставалось надеяться или на боженьку, или на чьи-то мозги. И так получилось, просто так получилось, что других специалистов не было, мой участок расширился до размеров цеха. Экспериментального, богатого по деньгам цеха, где работали в основном молодые специалисты. Что,

кстати, позволило мне не вступать в компартию, ссылаясь на то, что я, дескать, хочу с комсомолом остаться да и сам я молод, не готов еще, товарищи. Понимал прекрасно, что лучше с ними не связываться. Мы получали тогда большие деньги, сваливались деньги на нас, заваливали нас деньгами, чтоб только сделали. И мы сделали – хорошо или плохо, сейчас уже трудно оценить. Тогда это было достаточно... выразительно. Готовились мои документы на должность главного инженера завода, который мы тогда возводили. Известный завод «Хромотрон» на «Щелковской».

Е.П.: Значит, ты во ВГИК два раза поступал?

В.А.: Я? Два? Я не помню, сколько раз я туда поступал. Чтобы время не пропадало, я делал простую вещь, я каждый год туда посылал работы, года два даже под псевдонимом, на предварительный творческий конкурс, когда еще не надо документы предъявлять. Я много писал в это время, делал сценарии, экранизировал какие-то вещи, несколько вещей неплохо было сделано, они касались чуть ли не теоретического киноведения. Например, проблема времени в кино. И каждый раз проваливался. И ничего не мог понять, как же так, я-то ведь знаю, КТО поступает, каков их уровень. Пока мне умные люди не объяснили: не надо этого ничего ВГИКу, ему нужна ТАЛАНТЛИВАЯ ГЛИНА, из которой можно лепить. Тезис Сергея Аполлинарьевича Герасимова. Но меня все это не расстраивало, потому что, даже если бы я поступил, я не смог бы закон перепрыгнуть, нужно было три года отрабатывать. Я поступал к Герасимову, Таланкину, Кулешову, принял меня Ромм в 70-м. Меня Бог, очевидно, берег и готовил к встрече с Роммом. Но я и сам к тому времени стал хитрее, заматерел в качестве начальника цеха, сознательно и резко снизил уровень представленных работ, интеллектуальный, художественный – любой. И тут же прошел конкурс! Я тайно поступил во ВГИК, хотя и отработал уже эти самые три года, характеристику с места работы мне подписал один человек, которому я просто-напросто заморочил голову. Ромм не беседовал со мною по поводу талантливой или неталантливой глины, а задал вопрос: «Какая книга осталась у вас недочитанной на столе?» Я ответил: «Бойня номер пять» Курта Воннегута». – «Вам нравится?» – «Очень нравится». – «Можете назвать два наиболее выразительных кадра из этой книги?» Я какие-то назвал, и он говорит: «Вопросов больше нет. До свидания. Вы свободны». Я вышел с ощущением, что опять плохо дело. В конце дня позвонил ответственной секретарше, а она мне: «Вы очень понравились Михаилу Ильичу, постучите по дереву...» А завод я действительно вспоминаю с нежностью и благодарностью. Во-первых, они не обозлились на меня, что я их так скоропалительно покинул, а во-вторых, поступив во ВГИК, я стал получать 28 рублей в месяц и очевидно протянул бы ноги, если бы они мне время от времени не подбрасывали сдельную работу... Мощнейшая фигура Ромм, своеобразная и поразительная. Он повлиял на меня, но не в смысле прикладной режиссуры, а человек просто рассказывал об устройстве двадцатого века и о фильме, который он снимает. Таких занятий по практической режиссуре, что такое «восьмерка», общий план, средний план просто-напросто не было. Но пробыв он с нами недолго, мы были на втором курсе, когда его не стало. Доучивались мы у Льва Александровича Кулиджанова, который проявил чудеса деликатности и не стал ничего ломать из того, что уже было в нас построено. А потом я вышел на курсовую работу «Остановите Потапова» по рассказу Гриши Горина, которой защитился, и в 74-м году оказался на «Мосфильме». Все! Во всем остальном ты как бы в курсе...

Е.П.: Вот именно, что «как бы». Я давно тебя хотел спросить, как тебе удавалось снимать ВООБЩЕ все то, что ты выпустил на экраны? Как они тебя не потопили в самом начале? Ведь то, что вы делали с Сашей, пардон, Александром Миндадзе, это было не то что антисоветчина, а как бы даже ЕЩЕ ХУЖЕ... Я помню рецензию на «Остановился поезд» в запретной тогда парижской «Русской мысли» с эпиграфом «Наш паровоз вперед лети, в коммуне остановка»... Как ты их, короче, обманул?

В.А.: Я не могу на это ответить однозначно. Кроме вот какой вещи: появлялся сценарий Миндадзе, и у нас не было никаких иллюзий относительно того, что будет дальше. Но для нас главное было – запуститься, уехать в экспедицию и снимать картину. Нам давали поправки к сценарию, мы все поправки принимали, говорили – конечно, конечно, все сделаем, безусловно, какие проблемы. А потом мы снимали то, что нам нужно было. Твердо договариваясь И НЕ ДУМАТЬ ДАЖЕ о последствиях. Как будет, так и будет. И еще: мы никогда не устраивали шоу из сложностей с картиной. Начальство очень не любило, когда вокруг картины начинался скандал...

Е.П.: Когда «вся Москва» говорила: «Запретили! Запретили!»

В.А.: Нам этого не надо было. Мы не играли в диссидентские игры. Мы КАК БЫ ВМЕСТЕ с начальством переживали – надо же, как получилось! Но картина УЖЕ была сделана. Практически мы не делали никаких поправок, никаких! За исключением тех мелочей, на которые можно было пойти. Единственный был случай с финалом «Охоты на лис», когда меня приказом по «Мосфильму» даже отстранили от картины, когда ни-че-го нельзя было сделать! Кроме того, я же не был похож на диссидента. Я – человек, который пришел с завода.

Е.П.: Еще одно «спасибо» заводу! Я говорю это без иронии, думая, что ты к тому времени вдобавок полностью овладел их терминологией, хотя и потерял право каждого советского трудящегося на декламацию известных нецензурных стихов «Шумит, как улей, родной завод». Ты не приходил, как гений в бархатных штанах, который вызывает раздражение у советского человека, а честно, глядя в упомянутые глаза, говорил на понятном им языке: «Люди мы не местные...»

В.А.:...сами сильно переживаем, товарищи! Давайте ВМЕСТЕ искать выход. Но этого нельзя, знаете ли, сократить, здесь нельзя вырезать, потому что там-то рассыплется все, а если там рассыплется, тогда фильм окончательно станет беспросветным. Есть закон: начальство нельзя баловать. Начальство должно знать – с этим лучше не связываться, упрямый, все равно от него ничего не добьешься. Пусть не любят, но уважают. Начальство же всегда к нашему брату, кинематографистам, да и к вашему, писателям, относилось так: кого-то любило, но не уважало. Кого-то уважало, но не любило. У них в этом смысле своя драматическая коллизия была... И все-таки в каждом случае появлялись еще какие-то «моменты». Вокруг картины «Остановился поезд» началось т-а-кое, что мы поняли: на этот раз уж точно не проскочим. Но случилось так, что, пока мурыжили картину, Леонид Ильич как-то уже сваял совсем, и появился в перспективе такой запашок раннего Андропова с его грядущим закручиванием гаек. А Олег Иванович Борисов появился на экране в роли следователя Ермакова, как бы эти гайки УЖЕ закручивающего. А метафизика проблемы как таковой – противостояние личности и толпы, вообще невозможность дальше ЖИТЬ в тех условиях – все это прошло мимо них. Картина снималась в 81-м году, в 82-м была закончена, и в том же году, осенью, умер Брежнев. Картина пошла на экраны и сильно поражала людей, которые не понимали, как советская власть все это РАЗРЕШИЛА. А с «Парадом планет» ситуация была еще красивее: не могли они четко сформулировать, почему следует запретить картину. Ведь все персонажи были как бы ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ: не пьют, не ругаются, исполняют свой гражданский долг в качестве офицеров запаса. ОНИ нутром чуяли: что-то там в картине совершенно другое, а что – терялись в догадках.

Тогда начальство решило устроить разнос руками коллег, и некоторые из них охотно на это пошли со словами:

Е.П.: «...Я тебе, Вадим, прямо скажу, я тебе добра желаю, ты знаешь, как я к тебе всегда относился, старичок...»

В.А.: Именно так, ты почти точно процитировал, как будто там присутствовал. Налет АНТИСОВЕТСКОСТИ как бы снимался, и речь шла как бы просто об огромной ТВОРЧЕСКОЙ неудаче хороших, молодых художников Абдрашитова и Миндадзе. Но и это не полу-

чилось в конце концов. У меня, кстати, остались стенограммы обсуждения, я их практически ВЫКРАЛ через одну девушку неизвестно для чего. У меня их во время перестройки просили, чтобы опубликовать, но я не дал. Мало ли что бывает с почтенными людьми. И вообще, дело надо делать, а не счета сводить. Мужественно, толково и четко вели себя только Сергей Бондарчук и Марлен Хуциев. Но были, старик, ох какие люди, которые с пеной у рта доказывали, что фильм – дерьмо, а начальники правы АБСОЛЮТНО. Мы в ответ сказали: «Спасибо вам! Большое ОГРОМНОЕ спасибо за заботу. Мы подумаем». Фильм вышел, а мы думаем до сих пор.

Е.П.: Ладно, давай теперь о нынешних делах поговорим, а то кто-нибудь обвинит меня, не дай бог, что я снова завел свои, перефразируя название новогоднего телевизионного шлягера, «главные песни о старом». Как ты перемахнул перестроечный мост? И что за страсти разгорелись уже сейчас, в 1997 году, вокруг твоего нового фильма с характерным названием «ВРЕМЯ ТАНЦОРА»? Я, например, с изумлением прочитал в статье уважаемого критика Л.А. нечто в том роде, что вы с Миндадзе холодно и злорадно созерцаете наши, в широком смысле говоря, «русские пляски». На мой взгляд, это просто раздраженная, недоброжелательная и растерянная чепуха, тем более для меня удивительная, что автор статьи при мне лобызал тебя после премьеры и поздравлял с успехом. А в статье вдруг как бы то же самое, о чем мы с тобой выше толковали: «Я ТЕБЕ, ВАДИМ, ПРЯМО СКАЖУ...» Другие вообще пишут про вас черт знает что с той мистической злобой, с каковой булгаковская кондукторша не пускала в трамвай кота Бегемота. Помнишь из «Мастера и Маргариты»: «Котам нельзя! С котами нельзя! Брысь, а то милицию позову!»? К счастью, есть и другие зрители. Виктор Петрович Астафьев, выходя с просмотра, который ты устроил для сибиряков в Музее кино, признался мне, что во время фильма даже всплакнул пару раз...

В.А.: Он и в телевизионной передаче сказал обо мне такие слова, что мне их неудобно повторять. В последнем «Знамени» появилась статья твоей жены Светланы Васильевой. А что касается уважаемого Л.А. – да, фильм-то ведь вообще не о том, кто есть кто. Это, я уже неоднократно говорил, НАРОДНАЯ ДРАМА. Рассказ о закончившейся войне – не важно, где она была: в Чечне, Абхазии или еще где, о той войне, в которой нет и не может быть победителей. И о том кровавом балагане, который все это сопровождает, о нашем времени ряженых. Посмотри вокруг: один дворянина из себя корчит, другой – радетеля народного, третий, не имея на это никакого права, повесил себе на грудь старые русские ордена. И о том, что Дом разрушен, не СССР, а Дом с большой буквы, который был в душе у каждого нормального российского человека вне зависимости от его национальной или этнической принадлежности. И о том, как Дом этот люди судорожно пытаются восстановить и как плохо это у них пока получается. Мне мало что нравится из современной кинопродукции, которая в большинстве своем неталантлива, дегуманизирована самым примитивным образом, что, конечно же, связано с общим состоянием и кино, и общества. Нравы упростились донельзя. Изящные манеры блистают своим отсутствием. Заумь агрессивна и нарочита. Но тем не менее я все равно считаю, что, между нами говоря, кино должно сниматься, сниматься и сниматься. Технология не должна останавливаться. Не может быть, чтобы упадок кино, читай – всей культуры, а еще шире – всей нашей жизни, все время продолжался. Я все-таки наивно как-то представляю, что рано или поздно все у нас наверх пойдет. Упадок не может быть вечным. И гуманизм как таковой вернется. А что касается, как ты выразился, «перестроечного моста», у меня и соответственно у Миндадзе не было такого ощущения, что вот, ага, сейчас перестройка, вот сейчас-то мы и развернемся! Мы как работали, так и продолжаем работать. И это не вопрос воли, стойкости или еще чего. Мне неудобно так говорить, но я тогда снимал картины, которые хотел снимать, и сейчас делаю то же самое. Вне зависимости от критики и некоторых моих

раздраженных коллег. Я-то спокоен. Я совершенно спокоен. Я всегда спокоен. Если не веришь, спроси об этом мою жену Нателлу. Все, как ты выразился, «баталии» годами происходят на ее глазах.

Е.П.: О чем бы ты еще хотел сказать своим зрителям?

В.А.: Не о чем, а о ком. Об Александре Миндадзе. Счастье, что мы познакомились и подружились более двадцати лет назад. Я высоко ценю, уважаю, его мастерство, его ум, точность, изобретательность и, самое главное, его абсолютный, чистейшей воды гуманизм в единственном и подлинном смысле этого слова, тот гуманизм, который всегда питал русскую культуру. Ты заметь, ведь у нас, в десяти наших картинах, нет ни одного, что называется, «отрицательного персонажа»...

Е.П.: Ну да! А «мокрушник» Нос, а проститутка из «Поезда...», а коммуна-хозяин из «Слуги», которого гениально играет Олег Борисов? А мясник из «Парада планет»? А... А впрочем, может, ты и прав: несчастные, счастливые, богатые, бедные... всех жалко.

1997

Василий Аксенов

Отцы, по домам, или Звездный билет, но куда?

Кумир многих поколений российских читателей Василий Аксенов был свезен коммунистами в дом для детей «врагов народа» 20 августа 1937 года, ровно в тот день, когда ему исполнилось пять лет. Он утверждает, что навсегда запомнил не только ту чекистку в кожаном реглане, которая тащила его в черную «эмку», но и свою простоволосую русскую няньку, которая по-звериному завывала с крыльца, провозжая любимое «дítě». Всклипывая, он впервые заснул на казенной кровати, прижав к мокрой щеке любимую игрушку, тряпичного львенка. Утром игрушка исчезла, начались «этапы большого пути»: нищета и богатство, слава и хула, изгнание и возвращение (во всех смыслах всех этих слов, включая метафизический). «Добрый вечер, господи!» – обращался он по волнам «Голоса Америки» к землякам, ошалевшим от «развитого социализма», задолго до того времени, когда перестроечные «товарищи», с коммунистической прямоотой приватизировавшие все, что плохо или хорошо лежало, стояло, летало и плавало в бывшей «империи зла», пустили это некогда белогвардейское слово в казенный оборот.

*Смирению жить ради правого дела
Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи*

Открытая веранда на Чистых прудах в окрестностях бывшего индийского ресторана «Дели» привлекла внимание ЕВГЕНИЯ ПОПОВА и его старшего коллеги ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА возможностью беседовать хоть и на людях, но в тишине, изучая жизнь, как это и положено писателям. Однако не успели они сесть, как тут же из динамиков, скрытых в чаще искусственных, но очень зеленых кустов, вдруг грянула легкая, но противная музыка.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ (борясь со стихией, пытаясь перекричать ее): **Это... мы вот... сейчас быстренько обсудим несколько простых вопросов... Тебя читатели очень любят, несколько поколений читателей. Читателей советских, антисоветских, просто читателей...**

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: Что-то слишком громко завывали эти бесы, может, пойдем отсюда?

Музыка как по мановению волшебной палочки стихает. А еще говорят, что народ теперь не уважает писателей. Очень он их даже уважает, особенно если они сделали заказ и явно собираются заплатить за это деньги.

Е.П.: ...например,ловишь ли ты своим ухом, большую часть года находящимся вне пределов родины и не погруженным в ежедневную героинку наших новых буден, трансформацию русского языка по ту и по эту сторону океана?

В.А.: Эмигранты отстают от языка, и в обыденной речи за рубежом появляются всевозможные искажения. Пошли поланчуем... Возьмешь двадцать седьмой экзит, повернешь на втором лайте, то бишь светофоре. С другой стороны, когда я оказываюсь здесь, мое упомянутое тобой ухо замечает то, что для обычного московского люда стало обыденным...

Е.П. (кривляется): Чаво? Мы не знаем русского языка?! Мы русского языка очень даже хорошо знаем!

В.А.:...Когда говорят, например: «В наводнении погибло много человек» вместо «людей». Или это злое «как бы»... Мы с тобой сейчас как бы сидим типа ужинаем...

Е.П.: Я с детства помню из советской пропаганды – мошенник типа Лю Шаоцы...

В.А.: Русское слово «типа» для китайца звучит крайне неприлично. В начале 50-х мои сокурсники-китайцы в питерском мединституте тихо хрюкали от хохота, услышав от лектора по научному коммунизму: «Социализм – это общество нового типа». Потому что «типа» по-китайски будет... (*произносит всем известное слово из трех русских букв*).

Е.П. (пораженный новым знанием): Лю Шаоцы – ...? (*повторяет всем известное слово из трех русских букв*).

В.А.: Плюс – чудовищное употребление предлога «о». Это «О» катится по русскому языку, как колесо джаггернаута, и разрушает наш великий-могучий-правдивый-свободный больше, чем все американизмы вместе взятые. «Он представил нам список о недостатках». А еще «в». «Ему указали в том, что»... Ты прислушайся, что плетут по телевизору даже люди интеллигентного сословия...

Е.П.: Сам я романтик, товарищи, люблю Антуана де Сент-Экзюпери, а по жизни работаю говночистом.

В.А.: Это у нас с тобой, конечно, отчасти пуристское требование к языку. Я погрешности улавливаю, пока сам не начинаю говорить, как все.

Е.П.: Как все ЗДЕСЬ или ТАМ?

В.А.: И здесь, и там. Мой сын Алексей как-то мне сказал: «Когда ты приезжаешь, то примерно неделю говоришь с ненашей интонацией. Тебя по интонации можно вычислить, что ты не совсем свой». Правда, я сейчас здесь очень часто бываю, а когда приезжал редко, тоже замечал: что-нибудь произнесешь, и твой собеседник мгновенно поднимает глаза и как-то по-особенному тебя оглядывает, кто, мол, такой? Уж не эстонец ли? Все это тонкие вещи. Вот есть расхожее мнение, что старая аристократия в эмиграции является хранительницей чистоты русского языка...

Е.П.: А разве это не так?

В.А.: Смешно, но даже в речь американского русского истеблишмента иногда пробирается акцент с Брайтон-Бич... Вернее, не акцент, а интонация... Ну и даже Набоков не знал, что в русском языке начала шестидесятых уже было слово «джинсы», отчего героиня его «Лолиты» носит синие «техасские панталоны»... Наши вашингтонские князья – Оболенский, Гагарин, Чавчавадзе Давид, граф Владимир Толстой – изумительные люди, но с самыми разными лексическими странностями. Их жены, например, любят друг к другу обращаться «душка»... Или кто-то произносит тост со словами «из самого дна моего сердца», что является калькой английского from the bottom of my heart.

Е.П.: Все смешалось в доме Облонских и Обломовых... После революции 17-го года и эволюции 91-го: ПЯТИЛЕТКА, КОЛХОЗ, ГУЛАГ, ОТСТОЙ, КОЗЕЛ, ЗАБОЙ, ЗАБЕЙ, ПЕРЕСТРОЙКА, ТИП-ТОП, УРА, ВПЕРЕД, ЧУВАК.

В.А.: А я помню, как прокололся в Союзе писателей наш оргсекретарь Ильин Виктор Николаевич, гэбэшный генерал, который ругал-ругал диссидентов с трибуны собрания и вдруг ляпнул: «А теперь, товарищи, в подробном изложении». Зал пришел в восторг, потому что это была фраза из передач «Голоса Америки», а «Голос Америки» и «Свободу» тогда слушали все, кому не лень, хотя это строжайше запрещалось.

Е.П.: Ты ведь ввел в современную печатную русскую литературу не только «бочкотару», «звездный билет» или «остров Крым», но и еще кое-какие... ну, скажем, специфические слова, например в роман «Ожог»... Последние годы, я заметил, ты стал прибегать к звукоподражанию...

В.А. (*поняв, куда клонит деликатный младший товарищ*): Да, ведь здесь не буква важна, а интонация. Всем понятно, это с нашей-то историей, особенно советского периода, когда двумя главными лингвообразующими элементами были армия и тюрьма, что «гребена

плать», «напереули по гудям» – синонимы известных матерных русских выражений. А насчет ТОГО мата? Его полный запрет – это кастрация русской литературы, хотя меня сейчас гораздо больше интересует язык, созданный новым поколением, поколением людей дела, а не слова. Мне кажется, эти новые русские при всей анекдотичности их поведения колоссально изменили облик россиянина во всем мире. До этого наш человек был несчастный, задроченный, совсем униженный, естественно, без денег. Или – страшный кагэбэшник, убийца. И вдруг появляются какие-то парни, может быть, вчерашние пэтэушники, вчерашние бедные скоты социализма. Отвязанные, в отличных костюмах. Тратят деньги, ведут себя независимо. Красивые девчонки с ними приезжают. Такие ребята повсюду на Западе, и это не такой уж маленький процент россиян, как ни странно.

Е.П.: А я тут сцепился с одним хорошим, но ученым человеком, который утверждал, что всего лишь два процента нынешних русских (или – российских, как кому больше нравится) живут хорошо, а остальные – за чертой бедности.

В.А.: Неправда. Я как-то в Барселоне просидел несколько часов в аэропорту. Так за это время прибыли четыре или пять чартерных рейсов из России. Иркутск – Барселона, Омск – Барселона и так далее, откуда выходили обыкновенные люди, отнюдь не богачи. В Лиссабоне русских тоже полно. Бродят по улицам, прицениваются к ресторанам. В Биарицце на гостиницах и курортах реют флаги Франции, Британии, Европейского сообщества и непременно – Российской Федерации...

Е.П.: Давай вернемся к теме запретов. Мне раньше шили при коммунистах, что я пишу «только о пьянстве и половых извращениях», а тут я был на публичном выступлении одного молодого, но лысого писателя, который читал рассказ о том, как гоголевский нос превратился в сам знаешь что, типа – «типа». Смотрю, в зале прогрессивные литстарушки сидят, краснеют, потеют, но крепятся, чтоб «либеральная жандармерия» не записала их в ретрограды. Я встал да и ушел, потому что я латентный анархист и мне на любую жандармерию плевать. К тому же эпатировать, когда все и так в раздрызге, – масла масленнее.

В.А.: Власть не должна в литературу вмешиваться, это не ее дело. Но общество, общественная, неправительственная организация имеет право на отвращение. Хотя и тут один шаг до зловещего ханжества... Можно было обойтись без таких идиотских, по-настоящему идиотских акций, как на шумевший обмен безнравственных книг на нравственные... Или обвинения в порнухе...²

Е.П.: Не говоря уже о том, что это замечательная бесплатная реклама. Или, может, все они в доле находятся и просто дурят бедного потребителя? Говорят, что возвращенные книги издатель теперь продает втридорога с автографом сочинителя.

В.А.: С моей точки зрения, сожжение книг и то было бы более естественным. И я повторяю, что все это крайне глупо, хотя мне эти скандальные книжки, из-за которых разгорелся сыр-бор, тоже не нравятся: мертвечина и малоизобретательная графомания...

Е.П.: А другие запреты? Как ты относишься к тому, что россияне хотят иметь оружие, чтобы обороняться от бандитов и шпаны?

В.А.: Я категорически против. Знаю на опыте Америки, к чему это приводит. Штаты занимают первое место в мире по убийствам. Там, где русские или другие мужики обошлись бы простым мордобоем, американцы вытаскивают «пушки». Если бы во время недавнего футбольного погрома на Манежной у кого-то было бы оружие, то убитых оказалось бы не двое, а двести. Оружие в первую очередь попадает к шпане.

² Много за эти годы и чего другого было идиотского, но не будем о грустном, когда и так иной раз невесело, особенно когда вспомнишь, что моего старшего друга, товарища и брата Василия Аксенова уж восемь с лишним лет нет с нами на Земле.

Е.П.: А у нас измученные граждане рассуждают так: «Дай мне оружие, ко мне полезет бандит, я его убью. У бандита ведь все равно есть оружие, а у меня его все равно нету».

В.А.: Та же аргументация и в Штатах. Кстати, сенаторы и конгрессмены, которые готовы проголосовать против оружия, этого не делают, боясь, что их не переизберут.

Е.П.: А как ты относишься к смертной казни?

В.А.: Это – сложный вопрос, и у меня нет четкого мнения. Думаю, что смертную казнь нужно оставить для самых исключительных и бесспорных случаев, существенно сузив возможности судебных органов для вынесения такого крайнего решения. Скорее всего, такие решения должен брать на себя президент. Смертную казнь должен назначать только он, и больше никто в стране. Он должен взять на себя и эту ношу. Потому что есть все же такие чудовищные преступники, от которых общество должно избавляться. *(Пауза.)* Навсегда.

Е.П.: Ладно, не будем о мрачном. Давай лучше поговорим о патриотизме.

В.А.: По-моему, где-то в недрах вызревает какой-то ужасно говенный патриотизм и вновь возникает такое великодержавное сумеречное сознание... Нарастают антиамериканские, вообще антизападные настроения...

Е.П. (горячо): Все, о чем ты говоришь, непременно есть. Однако, на мой взгляд, вырабатывается не анти-, а позитивная модель мироощущения. Идеалом является скорее не Запад, а Россия в период с 1905 по 1914-й, когда здесь все поперло как на дрожжах – и экономика, и культура, и мысль... *(Сникая.)* Все, в том числе и революция во главе с лысым Лениным...

В.А.: Церковь еще...

Е.П. (встрепенувшись): Что церковь?

В.А.: Поддерживает такое сознание... Я смотрю по воскресеньям канал «Московия», и там сидят иерархи, писатели, иногда даже какие-то ученые, и все они высказывают совершенно мракобесные идеи. Видимо, это отражение какой-то постоянной шизофренической каши в обществе. Какой-нибудь крупный священнослужитель может начать говорить об избии церкви при большевиках, а закончить тем, что в течение семидесяти лет советской власти весь наш народ был одухотворен Великой Идеей. О том, что иерархи сотрудничали с безбожной властью – никто опять не промолвит и слова, зато интеллигент – опять теперь чуть ли не ругательство... И вообще – Государственная дума с ее трехцветным российским флагом заседает под гигантским государственным гербом несуществующего Советского Союза. Гимн, опять же, на слова вечного «гимнюка» Михалкова... Странно, что это считается проявлением какой-то там сбалансированности, доброй воли, стремлением к стабильности, миру в обществе, хотя это самая натуральная шизофрения. От греческого «схизо» – расщепляю.

Е.П.: Ты вот, как дипломированный врач, выпускник Ленинградского медицинского института, считаешь, что шизофрения излечима?

В.А.: Пока нет.

Е.П.: А как «гуру Вася» считаешь?

В.А.: Возможно! Путин поначалу пошел у коммуны на поводу, но, очевидно, поездив по миру, пообщался с лидерами мирового сообщества и теперь более реально представляет себе ситуацию. Особенно на фоне всемирного терроризма и экстремизма. На самом-то деле идет противостояние Средних веков и Ренессанса. И речь здесь не только о России, но и обо всем мире, который становится все более странным, если не сказать хуже, все простое становится сложным, и «быстренько ответить», как ты сказал в начале нашей беседы, не удастся ни на один простой вопрос. Для чего, скажи, возник человек? Для чего существует?

Е.П.: Лучше ты скажи, я ведь глупый, молодой. Нынче уж 2002 год. Тебе 20 августа, дай бог, 70 исполнится, а мне пока всего 56.

В.А.: Единственная цель человеческого существования – преодоление первородного греха. Что такое первородный грех? Биология, ненасытная биология. Что-то сожрать!

Е.П.: Молодежь скажет: «Ах вы, суки! Сами попили на своем веку, пожрали, нагулялись, потрахались, а нам теперь рекомендуете биологию преодолевать?»

В.А.: Молодежь – это все человечество. Человечеству всего шесть тысяч лет. А что такое шесть тысяч лет для истории, где счет идет на миллионы и миллиарды? Мы все никак не можем понять, куда идем. Куда мы идем?

Е.П.: А куда?

В.А.: К Апокалипсису. Как и говорит Священное Писание...

Е.П. ежится.

В.А.: Ты что, замерз?

Е.П.: Нет, представил, что если сейчас в этом кабаке Ангел с мечом все крушить начнет, то уже никакой ОМОН не поможет. И правительство – тоже. Хотя если смерть – мгновенный переход в другое состояние, то ведь и Апокалипсис мгновенен...

В.А.: Слабым человеческим умишком нам трудно представить иную жизнь, кроме данной нам в ощущениях. Коммунисты о чем-то догадывались, когда толковали о новом человеке. Правда, сами, вопреки своему учению, мгновенно освинели и стали жировать среди нищеты. Но они были шагом на Пути, без них человечеству нельзя было сделать следующий шаг.

Е.П.: Шаг, но куда?

Однако гурю Вася не успел ответить даже на этот простой вопрос, потому что из динамиков, скрытых в чаще искусственных, но очень зеленых куц вдруг вновь грянула легкая, но противная музыка.

Е.П. (пытаясь перекричать музыку): Это нам знак! Дескать, попили, погуляли, а теперь платите и – ОТЦЫ, ПО ДОМАМ! Эту гениальную фразу нам однажды сказали юные милиционеры, окружившие нас, то есть меня, поэтов Генриха Сапгира, Игоря Холина и писателя Александра Кабакова, когда мы после совместного выступления в Доме кино решили распить из горлышка бутылку водки на морозце ночью, около Белорусского вокзала...

В.А.: Литература – это ностальгия, и жизнь – это ностальгия по тому, утраченному раю, утраченному миру. Если еще имеется у нас возможность читать священные книги, нужно прочесть их сейчас иначе, не так, как мы читали раньше, попытаться по-новому понять скрытую в них непостижимую метафору. Эти попытки должны постоянно продолжаться, в них заключается секрет жизни и секрет творчества. Ведь нельзя же сказать, что человечество будет всегда. Вот с астероидами в ближайший миллион лет что-то там будет происходить, это уже предсказано. Но мы не знаем, что будет с человечеством, уцелеет ли оно вообще. Вполне вероятно, что оно проживет миллион лет и один день, а может, десять миллионов и один день... Путь человечества – аллегорический путь того самого Адама, или, наоборот, Адам – это и есть путь, исчисляющийся огромным числом лет. И нет никакого противоречия между теорией эволюции и идеей творения. В каком-то смысле можно представить, что Адам когда-то был динозавром, то есть прошел эту фазу и тем самым как бы наметил весь смысл своего существования как самоусовершенствование на пути возврата к идеалу, то есть выходу из времени. Ибо время – это и есть изгнание. И не идем ли мы из материального мира, через биологию, в которой ДНК, макромолекула, обеспечивающая хранение, передачу из поколения в поколение генетической программы развития и функционирования, является формулой изгнания из рая, – обратно, в нематериальный мир? Так сказать, в райские кущи... Так или иначе, пусть все движется своим чередом. Платим и уходим, Женя.

2002

Юз Алешковский

Амбивалентная страна

Вот веселая же все-таки у нас страна, амбивалентная, честное слово! Сначала царская, потом советская, постсоветская, постпостсоветская, ныне уж, кажется, окончательно потерявшая ясные идеологические очертания Россия. Правят нами вроде чекисты, они же – олигархи, на торжественных сборищах серьезным служилым людям велено петь советский гимн, косметически отремонтированный Михалковым-старшим Сергеем Владимировичем перед его непосредственным перемещением из земного в иной мир... И в это же время в московском «Президент-отеле» другие серьезные люди вручают «Русскую премию» – 2011, которая входит в пятерку самых престижных российских литературных наград, Юзу Алешковскому, зоологическому антисоветчику, зэку и эмигранту, живущему в самом центре «мировой закулисы», в стране со зловещим названием США. И за что вручают? За «Маленький тюремный роман», где палачи из НКВД глумятся над «трясущим бородачком» биологом-генетиком, издеваются над этим «укропом помидорычем» не хуже, а лучше, чем их преемники-коллеги из нынешнего МВД, вознававшие в задницу казанскому мужику пустую бутылку из-под шампанского, что не помешало начальникам страны наградить главного министра этого ведомства орденом «За заслуги перед Отечеством», второй, правда, степени. Но не будем о грустном!

Назвать легендарного Юза человеком уникальной судьбы было бы с моей стороны сильным преувеличением, за которое суровый Юз, с которым мы дружим вот уже более тридцати лет, имел бы полное право обложить меня столь имманентным ему виртуозным матом.

Судьба самая обычная, биография – рядового советского человека. Родился (1929) в Красноярске (горжусь, что мы с ним «парни из одного города»!), возрос в районе московского Нескучного сада, чуть было не угодив «на малолетку» в тюрьму, куда он все-таки попал в 1950 году, преобразившись из городской шпаны, умевшей играть на аккордеоне, в защитника родины, матроса-краснофлотца и угнав по пьяни у секретаря райкома Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) в городе Совгавань знаменитую чекистскую «эмку», автомобиль «ГАЗ М-1», очень красивый, чья конструкция была списана советскими автомобильными учениками с соответствующей модели «Форда», выпускавшегося в упомянутой стране США. «М», если кто не знает, – это соратник Сталина Молотов В.М., имевший среди своих прозвище Каменная жопа и тоже, как Сталин И.В., ставший одним из видных персонажей сочинений Ю. Алешковского.

Ну, сидел да и сидел. Кто у нас в стране не сидел? Землекопом работал, шофферил десять лет на аварийке Мосводопровода, стал знаменитым советским детским писателем, в 1979-м навсегда расстался с родиной «Пушкина, родиной Ленина, родиной наших детей», как определял тогда СССР коллега Юза по Союзу писателей Евг. Евтушенко, впоследствии тоже оказавшийся в Америке.

Говорю же, что обыкновенная биография.

За малым исключением, ибо слова и музыка песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый», которую знает или по крайней мере раньше знал КАЖДЫЙ житель Страны Советов, есть следствие существования на Земле вот уже более восьмидесяти лет Юза Алешковского, дай ему бог и дальше здоровья, успехов в работе, счастья в личной жизни.

Споемте, друзья! Ведь эта песня, к сожалению, будет в России актуальна всегда, ибо фамилия Сталин, как выяснилось, вполне взаимозаменяема. Петь бодро, легко, подвижно, с любовью, четко произнося слова, отрабатывая плавное и отрывистое звучание, весело, хотя и с легкой грустинкой:

*Товарищ (вставить соответствующую фамилию очередного начальника страны. – Е.П.), вы большой ученый –
в языкознание знаете вы толк,
а я простой советский заключенный,
и мне товарищ – серый брянский волк.*

Так вот, лично меня ужасно интересовало, как такой обычный, но гениальный человек, про которого Иосиф Бродский сказал, что он «слышит русский язык как Моцарт», оценивает этот самый XX век, в котором прошла если не лучшая, то по крайней мере весомая часть его бурной жизни и где самым главным событием была все-таки наша так называемая Октябрьская революция.

– А по-моему, очень поверхностны да и крайне нелепы рассуждения некоторых тенденциозно настроенных политиков, ученых и массы фанатов советской утопии о катастрофическом для России Октябрьском перевороте как о наиглавнейшем событии канувшего в Лету, но не переставшего жить в сердцах наших и в умах, величественного, вместе с тем трагического, если забыть о его чудовищной уродливости, предыдущего века.

Не нужно забывать, что это был век всемирных боен, различных – то к лучшему, то к худшему – социально-экономических переворотов, совершенно ужасающих геноцидов, терроров, идолизации зловредных, дьявольски хитро прикинувшихся светоносно добрыми идей, вспышек озверения, стартовавшей дегенерации искусств – словом, прямых предательств Божественной идеи Преображения, безусловно, являющейся основной содержательной целью истории человечества.

Буквально все разрушительные – никогда не созидательные! – «землетрясения» ушедшего (не думаю, что на покой) XX века, даже если их эпицентры находились не на Балканах, не в России, не в безумно воинственной Германии, не в несчастной Европе, не в Индии, не в Китае, не в Японии, – так или иначе сейсмически были связаны друг с другом.

Естественно, толчки «Великого Октября», так же как индустриальные новации США, продолжают колебать почвы общественного бытия нынешнего человечества, определять во всех концах беспокойной нашей планеты идеологические установки политиков и так далее.

Я уж не говорю о массе иных последствий, ставящих, как говорится, на повестку этого века проблему несовершенства жизнеустроительных программ гомо сапиенс, неразумно, точнее, самоубийственно уничтожающего биосферу прекраснейшего из всех известных нам Творений.

Собственно, отказываясь от выбора «основного» события двадцатого века, я хочу сказать, что подобный выбор исподтишка утверждает хитрожопо взятый на вооружение политическими авантюристами ленинизма-сталинизма и их философствующими шестерками – принцип пресловутой исторической необходимости, явно призванный оправдать все кровавые преступления утопистов и фашистов против своих и не своих народов.

Впрочем, век живи, век учишься. Я уж и сам давно не мальчик, обо всем на свете имею свое выстраданное мнение, и все же интересно мне было, кого мой мудрый старший товарищ, ныне проживающий в штате Коннектикут по адресу: Filley rd Haddam CT 06438 USA, считает главной гнидой и мерзавцем канувшего века. Ленина, Сталина, Троцкого, Гитлера или другого начальствующего козла? И как все же решить вечный спор арийцев между собой: кто был гнуснее – большевики или фашисты? И кто же, по его мнению, самая светлая историческая личность XX века, идеальная личность, если таковая вообще была.

И так отвечал мне (всем нам) Юз Алешковский:

– Ты, Женя, почему-то не включил в свое «обвинительное заключение» – в тюряге его называли объедалой – Муссолини, Мао, Пол Пота и других вождей «широких масс трудящихся».

– Да потому, что они указанным выше демиургам в подметки не годятся, – огрызался я. – Муссолини даже своих евреев не зачморил, а болтунов и анекдотчиков не на архипелаг ГУЛАГ гнал по статьям 58, 190-прим или 70, а кормил их касторкой, чтоб они в буквальном смысле этого слова обосрались, как в фильме Феллини «Амаркорд». Тов. Мао называл себя монахом под дырявым зонтиком и плавал в Янцзы, про Пол Пота можно сказать словами советской блатной песни «Недолго музыка играла, недолго фрайер танцевал». Кто там еще? Людоед-коммунист Бокасса? Или из другого, братского коммунистам фашистского лагеря – венгерский нацист Ференц Салаши, последний союзник Гитлера, повешенный в 1946 году?

– Вообще-то лично я предпочел бы говорить не о них, не о вождях, подошедших, иногда валяющихся в усыпальницах – своеобразных вокзальных зальчиках ожидания Страшного суда, – а о толпах их неразумных поклонников, даже сегодня представляющих всем своим видом, всей логикой своих речуг нелепейшую из возможных, абсолютно сюрреальную, но, к сожалению, вполне реалистическую в России картину: по улицам городов – в отличие от улиц германских, итальянских, испанских и пном-пеньских – шествуют с красными в руках знаменами, с портретами бывших отцов безжалостного террора, официально так и не осужденных за свои преступления, шествуют колонны молодых и пожилых поклонников палачей собственных великих народов, их самобытных культур, религий и эволюционно улучшавшихся условий существования.

Это удручающе печальное зрелище. Впрочем, я убежден, что летописцы и политики будущего – коли оно светит гомо сапиенс – полностью расставят все зловещие фигуры российской истории по надлежащим местам, а более разумные потомки нынешних фанатов советскости и большевизма будут вспоминать о далекой эпохе «борьбы и побед», как вспоминают о культурной революции китайцы, немцы же – о постыдной влюбленности своих предков в бесноватый гитлеризм.

Строгий, да... Строгий Юз. «Нервный, прямой, безапелляционный, как посредине операционной» – так, помнится, писал об одном вожде Андрей Андреевич Вознесенский, его и мой коллега по Союзу писателей СССР и подельник по идейно-ущербному альманаху «Метрoполь». Да... было когда-то «дело Метрoполя», после чего меня вытерли из Союза писателей, а Юз покинул горячо любимую им родину, которая, глядишь, и далее бы его «щедро кормила БЕРЕЗОВОЙ КАШЕЙ», если чуть-чуть перефразировать слова той лирической песни, что, по конфиденциальным данным, нравится нашему новому старому президенту В.В. Путину не меньше, чем песня «С чего начинается Родина», которую он с таким блеском неоднократно исполнял, аккомпанируя себе на рояле.

Тут к месту, пользуясь случаем и преимуществом своего возраста, я бы заметил про нынешних молодых (относительно меня) начальников страны, что и они пока не тянут по сравнению с Лениным, Сталиным, Троцким и К°. Какой-то постмодернистский стиль управления страной они взяли, нарезая нынешнюю реальность из эклектического материала различных эпох и времен, начиная со Средневековья и заканчивая свободой студенческих демонстраций 1968 года. Как-то бы намекнули, что ли, чем все у нас кончится, чем сердце успоко-

ится. То ли, бог даст, как-нибудь и дальше у нас все все-таки обойдется и мы однажды станем все друг другу братья и сестры, то ли пора уже валить в сторону Юза, «чтобы не было стыдно за бесцельно прожитые годы», имея шанс потом-потом тоже приехать «на недельку до второго» из города типа Haddam CT USA, чтобы тоже какую-нибудь премию отхватить в каком-нибудь грядущем Президент-отеле...

– Юз, давай говорить серьезно и по-мужски. Кто лично и конкретно в твоей жизни сыграл самую гнусную роль кроме всей советской власти в совокупности всех мерзостей блуда ея?

– Только в одном случае кто-то один сыграл бы в моей жизни, как ты выражаешься, гнусную роль. Это был бы палач, отрубивший мне башку после лживого доноса какого-нибудь выродка и несправедливого приговора Народного суда. Ну, а если говорить серьезно, то никто не может предать так гнусно самого себя и свою судьбу, как человек, закопавший в землю талант или продавший душу дьяволу за никогда не девальвируемый тридцатник.

И советская власть, слава богу, истлела, но чего уж говорить о ее генах, к несчастью, вьевшихся даже и в наши с тобой экзистухи и, как бы то ни было, частично присутствующих в психике сегодняшних властителей российской политики, особенно внутренней.

Естественно, все такое, как оказалось, незлокачественное, тормозит историческое дело очищения народного сознания от скверн большевистской преисподней, как бы там по ней ни ностальгировали праздные романтики, не бывавшие дальше изгородей своих дачных «чистилищ», если не «раев».

Не могу не пожелать россиянам быстрее – во всех областях личного существования и общественного бытия – изживания отвратительно безнравственной «совковости», опять-таки к несчастью, превратившейся в ядовитые сорняки на начавшихся, слава Всевышнему, возделываться нивах свободы.

Тут следует заметить, что Юз, как мне показалось, на этот раз явился в Москву какой-то нервный, суетливый, озабоченный, капризный. Рычал на фотографа Васю, которого он знает с Васиного младенчества, что тот слишком часто затвором щелкает. Все время поглядывал на свои наручные даже во время чтения и записи на CD другого своего известного на весь мир романа «Рука», как будто бы дожидаясь некоего часа икс, досадовал на сильные мои к нему приставания, обещая ответить на все устные вопросы позже. «Возраст, что ли, дает о себе знать?» – мельком подумал я. И тут же опроверг сам себя, видя энергичное Юзово лицо, не в силах угнаться за «коллегой и подельником» в наших пеших хождениях по Москве.

– Юз, весь ли мир уже в нынешнем, XXI веке постепенно, как закатное солнце в море, погружается в гнусность, судя по тому, что творится во всех уголках этого мира? – задыхаясь, спросил я его на ходу где-то в районе Курского вокзала.

– Позже, позже скажу, – отмахнулся он. – Письменно или свяжемся по скайпу.

– Мир, Женя, не раз переживал различные тектонические смещения, ряд «перестроек» водных пространств и суши, капризы земной оси, природные катаклизмы, потопа, оледенения, оттепели, уничтожение видов животных и растений, гибель многих цивилизаций и так далее. Короче говоря, Земля постепенно сделалась местом, более или менее пригодным не только для обитания, прокормления ближних и дальних, индустриальных новаций и полей бесчисленных войн, ведущихся самыми изощренными видами новейшего вооружения, но и привлекательным для туристов.

Однако, как это ни странно, несмотря на насущные, но явно скороспелые идеи планетаризма, что выражается, к примеру, в уродливой политкорректности и в иных видах оголтелого умозрения, в мире уже пованивает не просто закатом Европы, но гибелью очередной челове-

ческой цивилизации. Сие не причуда моего мрачного пессимизма, а ответственные научные выкладки высокоученых дядь и тетя.

– Тогда скажи все же, дорогой Юз, кто самая значительная и любезная твоему сердцу персоне, встреченная лично тобою в этой жизни? Кроме Ирины, разумеется, твоей верной спутницы, подруги, ангела и так далее.

– Во времена веселой пьяни, бедной, но временами загульной жизни, богатой только на дивных друзей, – жизни, осчастливившей меня вдохновением и призванием к сочинительству, поверь, я молил Небеса только об одном: о ниспослании в мя грешного и в непорочную мою душу истинной и единственной в жизни любви. К счастью, дошли однажды до места назначения мои молитвы, дошли: в Коктебеле, на сорок шестом году безалаберной, но кое в чем – благодаря осознанию призвания – определившейся моей жизни я встретил свою в доску Прекрасную Даму, с которой ежедневно счастлив вот уже тридцать шесть лет, а тот факт, что я тоже ею любим, клянусь, рассматриваю как совершеннейшее чудо, которого недостойн.

Так что личности значительнее Иры – ангел-хранитель не в счет – никого у меня не было да и быть не может. А о необыкновенной везухе знакомства и близкой дружбы с иными в высшей степени замечательными личностями предпочту умолчать – сие не для публичного разговора. Я просто благодарен судьбе за такие удачи. И никакой я не вижу непереносимой надобности обзаводиться любому из Художников потрясениями, революциями, личными драмами, видами поэтического безумия, я уж не говорю о тоске по страданиям физическим и нравственным, выполняющим, как говорят, роль исцелительных для духа витаминов. Жисть, сам знаешь, до краев наполнена всем таким, порою совершенно невыносимым, а ежели сам ты в некотором роде везунчик, то все равно принимаешь близко к сердцу боль и горести массы незнакомых тебе людей, зверей, бездомных псов, кошек, раненых перелетных птиц, порою даже деревьев, вырубаемых в угоду всепожирающему техпрогрессу. Я хочу сказать, что коли уж ты Художник, то пепел Клааса до гробовой доски не перестанет стучать в твое сердце, а может быть, и в ту самую доску, если, конечно, твой опыт художественного восприятия как язв жизни, так и красот существования на лоне Творенья, окажется того достойным. Однажды Джозеф, он же Иосиф Бродский, чистый гений, с которым имел я счастье и радость дружить, спросил меня по телефону: ну что происходит, как жизнь?

Я неожиданно для себя брякнул: жизнь прекрасна, всех очень жаль, – и почему-то испугался. Но поэт есть поэт – он ответил: потрясная формулировка. Я до сих пор не пойму, какие ему привиделись в ней поэтические или, что одно и то же, метафизические смыслы. Однако до души – не до разума – доходит, что в случайно брякнутой мною фразе содержится нечто основополагающее, для меня необъяснимое, предельно глубокородственное радости существования и вместе с тем исполненное ясной до странности жалости ко всему живому, занятому нелегким трудом жизни. Может ли нормальный человек не жалеть избиваемых детей, баб, брошенных мужиками, бездомных собак, загарпуненных китов, белых медведей, погибающих от таяния льдов, каждого из живых существ в клетках зоопарков? Конечно же, не может.

Взволнованный этим его длинным лирическим монологом, я подумал вдруг, что и он, и я, и многие другие наши современники, все мы в обозримом временном пространстве несомненно покинем эту нашу ЗЕМНУЮ реальность³. Так будет ли новое поколение россиян, не имеющее нашего опыта жизни при тоталитаризме, в более выгодном положении, чем мы, или наоборот? Как в связи с этим следует относиться к фразе Варлама Шаламова о том, что «лагерный опыт – целиком отрицательный до единой минуты»? И здесь меня, товарищи, ждал от Юза Алешковского ЭКСКЛЮЗИВ.

³ Дай ему Бог и дальше здоровья, успехов в работе, счастья в личной жизни, нашему легендарному Юзу в его «далекой, но нашенской» Америке.

– Категорическое заявление великого Шаламова об абсолютной отрицательности лагерного опыта кажется мне весьма спорным хотя бы потому, что порою невыносимо ужасные испытания человеческого тела, ума и души являются для сумевших выжить, как бы то ни было, частью таинственной химии их жизненного опыта.

Я не был на Колыме, хотя и мне приходилось изнывать от дикой холодрыги и голодухи. Не могу сейчас не рассказать о том, о чем почему-то никогда не писал.

Однажды в промозглом лагерном сортире, посреди желтоговенных сталагмитов, попала мне на глаза почти не смятая страничка из какого-то редчайшего в те времена глянцевого журнала. Как я понял, это была страница, вырванная из номера «Америки», журнала неясно как в сортир попавшего.

Вот так я прочитал в полутьме и в миазмах, почти нейтрализованных морозом, нобелевскую речь Фолкнера.

Это был один из самых замечательных моментов в той моей, молодой, да и в последующей жизни тоже. На мгновение перестала для меня существовать морозная зима, вечная недожираловка, подневольный труд – в душе зазвучала вдохновенная музыка фразы великого писателя: «ЧЕЛОВЕК НЕ ТОЛЬКО ВЫСТОИТ – ОН ПОБЕДИТ». Она и определила отношение ко всему, выпавшему на мою долю. Главное, я почувствовал наличие в своем существе духа такой божественной свободы, которая неподвластна ни одной из тираний, ни одному из оскорбительных для личности человека колючепроволочных ограничений, ни цензуре, ни прочим видам зависимости человека от любых внешних сил, враждебных его изначально свободному, полагаю, богоподобному духу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.